

ББК 65.011.3

*А.И. Губарь***Неформальные транзакции в системе управления дифференцированно-постиндустриального общества***A.I. Gubar***Non-Formal Transactions in the Management System of Differentiated Post-Industrial Society**

Представлен теоретический анализ системной деформации рыночной экономики России, основу которой образуют объективные закономерности развития трансформационных процессов в системах социального управления.

Ключевые слова: региональная экономика, рыночные отношения, экономические блага, транзакционные издержки.

В постиндустриальной смешанной экономике взаимодействуют два разнонаправленных взаимопроникающих процесса, формирующих в своем противоречивом единстве ее определяющие особенности. Недостаточная теоретическая осмысленность этих особенностей обуславливает далеко не самые позитивные результаты. Более того, она определяет и блуждания в нескончаемых лабиринтах подходов к решению практических задач экономики, неожиданные повороты и негативные эффекты принимаемых решений, повергающих в изумление «хотевших как лучше» авторов.

С одной стороны, в современной экономике идет сокращение сферы рыночных отношений за счет ее корпоратизации, монополизации, повышения доли общественных товаров, увеличения объемов распределяемых социальных благ. Эти изменения объективно обуславливают возрастание регулирующей роли государства в экономических процессах.

С другой стороны, рыночные отношения во все большей мере охватывают расширяющиеся сферы общественной жизни: образование, здравоохранение, науку, искусство, властные структуры, органы социальных транзакций. Проникая в традиционно нетоварные взаимодействия, они приобретают специфические, слабо идентифицируемые, часто имплицитные, модифицированные механизмы регулирования, оставляемые на произвол монопольного диктата и неформальных установлений.

К настоящему времени лишь первая сторона экономических процессов, сопровождающихся возрастающей ролью государства, находится под неустанным вниманием самых различных течений экономической мысли, выступая предметом непрекращающихся теоретических дискуссий. Вторая сторона – экспансия рынка в традиционно нетоварные сферы общественной жизни – остается на периферии научного

The article theoretically analyzes system deformation of market economy in Russia, based on objective laws of development of transformational processes in the systems of social control.

Key words: regional economy, market relations, economic welfare, transactional expenses.

осмысления. На практике эти процессы реализуются исходя из неких априорных представлений, которые в своем противоречивом, несистемном виде приспособляются к обслуживанию локализованных интересов отдельных групп и лиц, формируя механизмы злоупотреблений и неэффективности.

Складывается парадоксальная ситуация, когда рынок, уступая государственно-корпоративному симбиозу в традиционных отраслях товарных отношений, проникает в исконно огосударствляемые сферы жизнедеятельности общества. Своеобразие положения состоит в том, что эти разнонаправленные процессы ведут к общему негативному результату, а именно к снижению влияния потребителя на объем и структуру конечного спроса.

Информатизация экономики, внедрение мгновенных онлайн-коммуникационных связей, безусловно, расширяя возможности потребителя, одновременно ослабляют его позиции в рыночном процессе, вводя в сферу игровых отношений, спекулятивных манипуляций, всевозможных пирамид, сетевого монополизма. Несомненно, что на современном рынке потребитель, сбитый с толку всеохватной рекламой, осуществляет свой выбор из необозримой товарной массы, ведомый «невидимой рукой монополий».

В постсоциалистической, пристраивающейся экономике конечный спрос еще более надежно отрегулирован, введен в рамки квазиобильного монопольного предложения. Сегодня будут покупать «ножки Буша», завтра «неожиданно» разоблачат их вредоносность и перейдут к реализации «экологически чистой» говядины, которая окажется возвращенной на благодатных лужках, чуть ли не полувековой давности. То же самое может произойти с лекарствами, любым другим товаром. Потребитель становится манипулируемым, подчиненным субъектом рынка, через который реали-

зуются локальные интересы монопольных структур их рыночных и властных сателлитов.

Вне противоречивого взаимодействия сторон рынок снижает или утрачивает свои регулирующие функции. Это вызывает необходимость возникновения компенсаторных механизмов, которые в современном постиндустриальном обществе формируются путем взаимопроникновения, симбиоза так называемой техноструктуры и государственно-властного аппарата [1].

Потери, возникающие и от утраты рыночных ориентиров, и от того, что симбиоз корпоративных структур и государственного аппарата «чего-то стоит», естественно, включены в цены товаров и оплачиваются потребителями. Но самый большой ущерб наносится в случае, когда возникающие при этом, основанные на так называемом «здоровом смысле» или политических пристрастиях властно-управленческие механизмы утрачивают связь со стимулами и реалиями инновационного развития экономики.

Мировой опыт обнаруживает поразительную вариативность властно-корпоративного симбиоза от либерал-социалистского скандинавского вида до гибкого китайского радикал-этатизма. Именно качество сформировавшегося экономического новообразования определяет позитивные цивилизационные перспективы развития современного общества. Это иллюстрируется показателями роста благосостояния стран, сформировавших соответствующие механизмы регулирования экономических процессов.

Обращаясь к опыту современной России, приходится констатировать отсутствие такого уровня регулирующих механизмов, что обусловлено прежде всего неразвитостью, несовершенством формирующих их субъектов.

Разрозненные элементы техноструктуры подавлены, подчинены, выживают, приспособляясь к обслуживанию требований, монопольно-отбаррикадированной, генезисно-удаленной от социально-ответственных целей узкой группы вампиризированных бизнес-собственников. Но проблема не в этой группе, а в той спекулятивно-бесплодной системе, которая функционально исходит из ее доминирования. В условиях, когда бизнес-собственник черпает подавляющую часть своих доходов из монопольно-перераспределительных источников, он просто не нуждается в развитой техноструктуре. Вошедшие в моду заявления о недостатке высококвалифицированных, современно образованных кадров чаще всего являются декларациями, поскольку бизнес в своей подавляющей части совершенно не готов использовать таких специалистов на достойном, эффективном уровне, приспособляя их к положению бесправных, плохо оплачиваемых, а следовательно, и слабо мотивированных «таскателей каштанов».

Положение возможно изменить лишь при условии преобразования режима функционирования

экономической системы, когда доход станет обязан своим происхождением качеству бизнеса. В перераспределительно-растаскиваемой экономике бизнес не склонен тратиться на привлечение и высокие жалования инженеров, технологов, ученых, той самой техноструктуры, отсутствие которой определяет ее сложившийся уровень.

Вторая сторона надэкономического механизма: государственно-властные структуры при всей их устремленности к «светлым горизонтам» должны исходить из сложившегося отсутствия эффективной техноструктуры, необходимой для обеспечения успешного инновационного развития экономики, создавать условия для ее формирования и функционирования. Вне решения этой задачи меры по инновационному развитию экономики будут выливаться в имитацию позитивного развития, откаты, нецелевые расходования средств, а функционирование властно-экономического аппарата напоминать бесконечное топтание на месте субъекта, наступающего на собственные ноги.

Основным фундаментальным ограничением со стороны властных структур является их системная подверженность процессам формализации, бюрократизации и связанной с ними неформальной экономизации управленческих решений, институциональному рентопроисвоению.

Подчеркнем, что эти деформации носят системный характер и связаны не с некими недочетами в работе управленческих структур, субъективными ошибками и злоупотреблениями. Их основу образуют объективные закономерности развития трансформационных процессов в системах социального управления. Непонимание этих закономерностей, неотлаженность специальных механизмов, нейтрализующих негативные трансформации в социально-властных системах, оставляют общество в положении бесконечно безрезультатной борьбы с «поганым болотом бюрократизма» [2].

С наибольшей наглядностью эти негативные процессы проявляются в формально нерыночном сегменте экономической деятельности. Этот сегмент достаточно многообразен, включает значительное количество отраслей, значение которых в современной экономике существенно возрастает. По характеру производимых продуктов, их экономической форме, особенностям и месту в системе социально-экономических отношений в его составе можно выделить три группы отраслей.

Первая отрасль включает властно-управленческие органы: от президентских структур до служб государственной безопасности, армии, органов охраны общественного порядка.

Вторую группу образуют отрасли по производству и реализации социальных благ: здравоохранение, образование, культура, искусство, информационно-коммуникационные системы.

В состав третьей группы входят органы социальных транзакций, предоставляющие как бесплатные, так и

оплачиваемые нерыночные услуги: регистрационные, нотариальные, землеустроительные, лицензионные, контрольно-проверочные, консалтинговые и т.п.

Общность выделенных сфер жизнедеятельности в исследуемом контексте определяется двумя обстоятельствами.

Во-первых, ограниченностью или формальным отсутствием рыночных отношений.

Во-вторых, «невещностью», слабо идентифицируемой предметной определенностью предоставляемых услуг.

Эти обстоятельства в нашей отечественной экономике являются источником формирования своеобразной ситуации. С одной стороны, результаты деятельности этих отраслей, производящих всевозрастающую долю общественного продукта (в экономически развитых странах до $\frac{3}{4}$), в соответствии с методикой, утвержденной ООН, включаются в расчеты ВВП, с другой – именно данные отрасли оказываются лишенными сколько-нибудь определенных, адекватных экономических механизмов. Отсутствие последних восполняется, подменяется неисповедимым административно-инструктивным регулированием, объективно подверженным при самом жестком контроле подчинению интересам локализованных социальных групп и отдельных субъектов.

Продукты функционирования данных отраслей получают экономическое выражение только на макроэкономическом уровне. В своем конкретном движении, не обретая товарной, рыночной формы, они утрачивают ценностную, экономическую определенность.

Услуги, производимые данной сферой, имеют ценность не только и не столько сами по себе, а потому что обеспечивают перераспределение и использование, в соответствии с установленными нормативами, экономических благ, аккумулируемых государством и его структурами для решения определенных социально-экономических задач.

Для потребителя, клиента значимость услуги неразрывно связана с реальной ценностью блага, распределяемого в его пользу. Существенное различие между величиной реально полученной потребителем ценности и экономической оценкой самой услуги, оплачиваемой чаще всего государством, формирует потенциал нелегитимного, рентного перераспределения.

Для частных структур открывается возможность завышения цен производимых услуг. Эти вполне рыночные структуры выпадают из поля воздействия органов антимонопольного регулирования, извлекая доходы, несопоставимые с издержками по осуществлению собственных функций.

Регулирование цен на трансакционные услуги должно избежать двух распространенных крайностей: с одной стороны, вульгарного, процентного от суммы сделки извлечения дохода и от преимущественно бухгалтерского определения затрат, без учета альтер-

нативной стоимости оказываемых услуг, на которую в каждой конкретной ситуации влияют такие факторы, как возрастающая ответственность в зависимости от объема сделки, потери от незаключения трансакции, защита клиента от дополнительных издержек, рисков, инициативно-творческий характер труда, специальная квалификация и т.п.

Независимо от того, имеет ли место рыночная форма предоставления трансакционных услуг при получении благ, распределяемых в нерыночной форме, в условиях работы частных фирм или процесс осуществляется через органы государственного аппарата и формально используются нерыночные отношения, в любом случае этот процесс не является бесплатным и для общества, и для потребителя.

Несопоставимое, существенное превышение ценности распределяемых, получаемых при этом благ над трансакционными издержками составляет первую важнейшую особенность функционирования данной сферы.

Вторая важнейшая особенность связана с реалиями положения субъектов в сфере оказания трансакционных услуг. Факторами, определяющими положение субъекта, предоставляющего трансакционные услуги, независимо от их характера и условия (от простой регистрации до принятия управленческого решения), являются:

- ограниченность возможностей (бюджетных средств, земельных участков, квартир, квот, заказов, вакансий, дипломов и т.д.);
- многообразие, несовершенство, противоречивость или отсутствие регулирующих норм;
- неоднозначность, неопределенность выбора (дачный участок – вблизи водоема, леса, высоковольтной линии, химического комбината и т.д.);
- альтернативность решений (при формальном равенстве выбора дифференциация в социальных издержках – возраст, семейное положение, здоровье, материальное обеспечение и т.д.);
- монопольное положение, обеспечивающее возможность трактовки, известные параметры свободы выбора;
- специальная квалификация, знание всего многообразия действующих механизмов принятия решений, сложившейся ситуации;
- осознание сложности ситуации клиента, его возможных потерь и выгод.

Положение потребителя услуг определяется иными условиями. Выделим наиболее характерные из них:

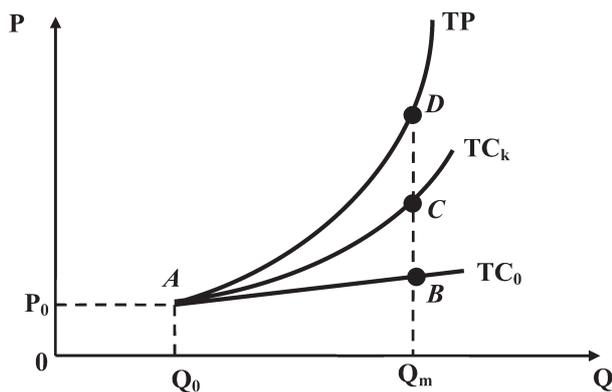
- состояние неопределенности, просьбы даже в случае ее стопроцентной формальной обоснованности;
- отношения конкурентности потребителей (ресурсной, временной, социальной);
- угрозы несоответствия (по временным, формальным и иным требованиям);

- издержки поиска «справедливых решений», которые могут оказаться более высокими в сравнении с ценностью искомого блага;

- фактор неосведомленности, положение неспециалиста, в котором оказывается клиент, в отличие от клерков любого уровня. Клиент, например, чаще всего не осведомлен в том, что «он занят» или «заседают», или не может взять в толк заслуживающую исполнения в чужие вывеску «ушла на базу».

С учетом приведенных обстоятельств совершенно ясно, какая сторона оказывается в доминирующем положении в процессе создания данных услуг. При этом, в соответствии со сложившимися традициями, исполнитель попутно присваивает себе неукоснительное право бесконтрольного использования времени потребителя и перекладывания на него части собственных функций.

Нерыночный механизм движения экономических благ в данных условиях не только формирует потенциал неформальных транзакций, но и создает благоприятные условия для их осуществления. Наглядно это можно представить в виде графической модели (рис.).

Модель нерыночного распределения экономических благ:

- P_0 – начальные, легитимные транзакционные издержки;
- Q_0 – объем распределенных благ по начальной цене транзакций;
- Q_m – максимальный объем распределенных благ;
- TC_0 – кривая формальных транзакционных издержек;
- TC_n – кривая неформальных транзакционных издержек;
- TP – рыночный объем распределенных экономических благ

В приведенном примере распределенный объем экономических благ (Q_0ADQ_m) обуславливает легитимные транзакционные издержки (Q_0ABQ_m). Разница между общей ценностью распределяемых благ и легитимными транзакционными издержками составляет чистый объем нерыночного распределения экономических благ (ADB). Именно она образует потенциал неформальных транзакций, который является и побудительным мотивом, и источником покрытия дополнительных нелегитимных издержек, создает поле теневых экономических отношений (ACB). За вычетом

этих издержек конечный объем целевого легитимного присвоения благ составляет площадь ADC.

Соотношение между объемами конечного целевого присвоения нерыночных благ и неформальными транзакционными издержками может быть самым различным. В общем случае, по нашим оценкам, он колеблется между соотношениями 3 : 1 и 1 : 2.

Потенциал неформальных транзакций возникает и в случае, когда рыночные отношения дополняются или заменяются административными методами регулирования, и при проникновении рынка в сферы традиционно нетоварных связей. Снижение роли, уменьшение значения непосредственного потребителя товаров и услуг неизменно таит в себе не только возможности, но и стимулы создания механизмов неформального нелегитимного перераспределения экономических благ. В этом направлении значительное негативное воздействие оказывает формализация, бюрократизация управления социально-экономическими процессами.

Парадокс положения состоит в том, что бюрократия «берет в свои руки» борьбу с неформальными транзакциями, образуя их властное, хорошо оплачиваемое прикрытие, или «коррупцию в законе». Опрос руководителей 1037 предприятий, проведенный фондом ИНДЕМ, показал, что наибольшие успехи респонденты связывают с двумя направлениями деятельности: первое – коррупция; второе – переход бизнеса к представителям власти, освобождающий от необходимости взятки.

Оппортунизм поведения представителей властных структур и транзакционной сферы обусловлены не их личностными, субъектными склонностями, а имеет глубокие объективные, системные обоснования. С этих позиций представляются недостаточными, практически вредными меры, сводящие совершенствование системы социального управления к двум, по существу, техническим моментам. Первый – исчерпывающая подконтрольность процессов принятия решений. Второй – ужесточение санкций за нарушение детально установленных норм, положений, инструкций, определяющих конкретные действия субъектов в системе управления.

Полная подконтрольность процесса принятия решений, по существу, ведет к замене субъекта управления на некое техническое устройство, представляет собой дуближ последнего за счет использования человеческого ресурса. Но если внедрение технических средств является фактором совершенствования системы управления, то замена компьютера человеком для выполнения полностью регламентированных функций, означает движение в сторону регресса, социальной неэффективности. Но и с управленческой стороны технический формал (чистый бюрократ) вместо компьютера – это неравноценная замена, так как возрастает вероятность технических ошибок, неточностей и недобросовестности.

Ужесточение наказаний в своем чистом виде может принести некоторый временный эффект, но в принципе малопродуктивно, так как связано с необходимостью расширения зон контроля, которые, в свою очередь, требуют подконтрольности. Такое мультиразрастание бюрократических структур, как показывает практика, является самым вероятным и часто исчерпывающим следствием действия данного фактора.

Нет необходимости обосновывать положение о тотальной бюрократизации всей системы управления социально-экономическими процессами в современной России. Это общепризнанный факт, как и утверждающееся, исходя из опыта унылой, безуспешной борьбы с этим явлением и в советский период, и в новейшей истории России, некое примирение с создавшимся положением, со всемогуществом бюрократа и его неисповедимого аппарата.

Бюрократия – это не просто определенным образом организованная управленческая система, а прежде всего сквозной принцип, по которому функционируют все ее составные звенья. Глубинное содержание этого принципа – незаинтересованность и безответственность, скрывающиеся за внешне неукоснительным формальным исполнением вышеспущенных решений и норм. Но сколько бы тщательно и досконально ни были разработаны законоположения, нормы, инструкции, формальные критерии деятельности звеньев системы управления, они не могут ни прикрыть, ни исчерпать всего многообразия ситуаций, возникающих в процессе применения установленных положений. Оставляя в стороне вопрос о качестве разработанных и применяемых норм, следует иметь в виду, что даже при допущении идеального состояния они объективно будут вступать в противоречия с требованиями динамично развивающихся социально-экономических взаимодействий и соответствующих им адекватных решений.

Это положение имеет фундаментальный характер. Идеальное соответствие применяемых норм всем возникающим ситуациям скорее свидетельствует о стагнирующем состоянии социально-экономической системы, так как в процессе развития она объективно вступает в противоречия с принятыми фиксированными установлениями [3, с. 124]. Это определяет специфические функции в системе управления социально-экономическими процессами, связанные с необходимостью принимать и обосновывать решения, выходящие за пределы действующих норм, обуславливая особые требования профессионализма, квалификации, ответственности и добросовестности.

Именно эта область решений составляет инновационное поле системы управления, определяющее ее эффективность. Лишь тонкая, трудноопределимая грань отделяет на данном поле инновационные подходы, обоснованные ответственные риски от некачественных и недобросовестных решений.

В сложившейся практике проблема, как правило, состоит не в осознании необходимости принятия и обоснования инновационных ответственных решений, а в качестве нормотрактовки и нормоприменения. Важнейшим отличительным свойством систем социального управления является необходимость принятия решений в условиях нетривиальных ситуаций, множественности, неразработанности, а иногда и противоречивости регулирующих норм. Это положение, типичное для любой системы социального управления, обуславливает наличие определенных параметров свободы принятия решений. В рамках данных параметров управленческий субъект получает возможность гибко, с учетом многообразия изменяющихся условий принимать решения, отвечающие требованиям социально-экономической эффективности и инновационности подхода. Отсутствие или узость параметров свободы лишает систему управления ее инновационного потенциала, подрывает стимулы творческих решений.

Подчеркнем, что система управления, если в ней не декретируется принцип параметров свободы, если нет их специальной защиты, будет развиваться по пути их закономерного сокращения, умаления. В сложившихся условиях такие параметры имеют место, но утрачивают свое значение по инициативе как сверху, так и снизу. В этом случае широко используется возможность ссылки на действующие нормативы, приводящие к принятию социально-неадекватных решений. На практике такие решения являются бюрократическим прикрытием ухода от ответственности, инициативности, часто обусловлены низкой квалификацией, недобросовестностью и злоупотреблениями.

И в сфере властного аппарата, и в системе социально-экономических трансакций (заказы, аукционы, землеустройство, лицензирование, регистрационные, контрольные функции и т.п.) принимаемые решения имеют существенные экономические следствия, т.е. получают соответствующие экономические оценки. С позиций институциональной теории собственности управляющие субъекты этих структур, определяя характер движения колоссальных экономических ценностей, сами по себе не обладают правом владения данными благами. Им делегировано дифференцированное по измельченному составляющим право распоряжаться движением нерыночных благ, естественно, на условиях регламентированного, отвечающего требованиям эффективного, социально-ответственного использования. Положение, условия функционирования, качество субъектов распоряжения нерыночными благами формируют возможности и стимулы их оппортунистического поведения.

Право распоряжения де-факто подменяется правом владения. Квазисобственник в соответствии со своим положением начинает продавать не принадлежащие ему блага, осуществляя рискованные, но беспреце-

дентно выгодные трансакции. С позиции продавца, эти сделки по своему экономическому содержанию ничем не отличаются от продажи Луны, космического пространства, «светлого будущего» и т.п.

Обширное поле неформальных трансакций прорастает нелегитимными сделками, образуя колоссальный коррупционный потенциал, при реализации которого одна сторона берет взятку как форму присвоения административной ренты. Вторая сторона или вынуждена уступать часть легитимно распределяемого в ее пользу блага, или делиться доходом, полученным в результате имплицитного сговора. Но основные потери общества связаны не с неадекватным, социально-экономически необоснованным перераспределением экономических благ, а с дезориентацией субъектов, утратой стимулов поиска эффективных инновационных решений.

Во фрагментарно-постиндустриальном обществе процессы взаимообусловленной экспансии рынка и государства не только открывают новые возможности, но и существенно изменяют условия регулирования социально-экономических процессов. Вместе с тем они несут в себе потенциал системных негативных трансформаций. В этих условиях нет альтернативы настоятельным, социально-обеспечивающим требованиям разработки современных гибких механизмов регулирования социально-экономических процессов, отсутствие которых имеет следствием встречное движение деградирующего реального сектора экономики и социальных негативов, с одной стороны, и, нарастание виртуальных результатов и номинальных денежных пузырей – с другой.

Резюмируя проведенный анализ, сформулируем некоторые выводы:

1. Отличительной особенностью вступления постсоциалистического общества в стадию постиндустриального развития, обусловленного глобализационно-интеграционными процессами, является его фрагментарно-дифференцированный характер по сферам и отраслям жизнедеятельности.

2. Качественная неоднородность уровней развития определяющих сфер жизнедеятельности общества создает объективные препятствия для формирования и функционирования современных механизмов, регулирующих их взаимообусловленное развитие.

3. Появляется настоятельная необходимость специальных мер со стороны государства по обеспечению развития техноструктуры постиндустриального общества. Это обуславливает не только принципиальную переориентацию расходов государства в направлении совершенствования человеческого капитала, но и переустройство монополизированных механизмов в отношении «капитал – труд».

4. Взаимопроникновение рыночных отношений и властно-регулирующих механизмов формирует качественно новые системы социально-экономических взаимодействий, формы и конкретные инструменты которых требуют специального изучения и внедрения.

5. Проникновение рыночных отношений в сферы традиционно нетоварных связей сопровождается в создавшихся условиях нарастанием институционально-трансакционного монополизма рендоприсвоения и коррупционности, когда делегированное детально дифференцированное право распоряжения подменяется правом квазивладения.

6. Создание системы регулирования социально-экономических процессов в постиндустриальном обществе связано с внедрением принципа сущностных критериев функционирования, определяемого уровнем удовлетворения конкретных запросов потребителей и низведением формальных показателей качества работы управленческих структур на уровень аналитических инструментов.

7. Инновационный тип функционирования социально-экономической системы объективно обуславливает необходимость предоставления на всех уровнях управления определенных параметров свободы, позволяющих принимать инициативные ответственные решения.

8. Неукоснительная выдержанность, соответствие фундаментальным конституирующим императивам – любое управленческое решение, противоречащее этим требованиям, должно автоматически утрачивать силу.

9. Необходима сквозная ответственность, ее неэластичность и нарастание, вплоть до уровня управления, где ошибочное решение отменяется или корректируется.

Библиографический список

1. Гелбрейт, Дж. Экономические теории и цели общества / Дж. Гелбрейт // Антология экономической мысли. – М., 2008.

2. Ленин, В.И. Л.Б. Каменеву / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – 5-е изд. / В.И. Ленин. – М., 1967. – Т. 54.

3. Губарь, А.И. Институты и механизмы экономического развития / А.И. Губарь. – Барнаул, 2006.